



Лагуна Попова
ШИЗОНАД

Лагуна Попова

Шизоид

«Издательские решения»

Попова Л.

Шизоид / Л. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836484-6

Говорят, что самые известные произведения рождались в глубокой печали или на невероятном душевном подъеме. Наверное, сейчас я бы уже написал не одно произведение, ставшее шедевром. Но нет. Я только и могу, что вспоминать. Нет человека, который бы ответил на этот вопрос. И никаких имен: не хотелось бы смотреть в ваши глаза, когда вы, обращаясь ко мне по имени, увидите черное дно. Оно способно затянуть любого. Оно заставит вас забыть, как дышать, или наполнит ваши легкие раскаленным воздухом.

ISBN 978-5-44-836484-6

© Попова Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Шизоид

Лагуна Попова

© Лагуна Попова, 2017

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-6484-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Доктор, повторите то, что вы сказали. Она что, шизофреничка? Я вас правильно понял?

Тот, кого назвали доктором, сидел в удобном белом кресле за стеклянным столом, стоявшим на пушистом бежевом ковре. Морщинки на бледноватом лице придавали ему солидности, а блеклые голубые глаза источали жизненный опыт и усталость. Движения были резковатыми, но в конце рабочего дня не многие практикующие врачи-психотерапевты могут похвастаться гибкими и уверенными движениями. Хотя темноволосый парень, сидевший напротив него, не отличался от доктора грацией. Его достаточно вымотали длительный перелет, неприятный разговор с матерью, да еще и этот белый диван, в который парень просто «провалился», и эти бежевые стены – всё его очень угнетало и наводило на мысли о больничной палате. Не раздражали обстановку даже цветы, которые, казалось, заполняли все свободные углы небольшого кабинета, и стена, увешанная благодарственными письмами, похвальными грамотами и дипломами.

– Для начала хочу отметить, что слова «шизоид» и «шизофреник» – это не синонимы. Последний термин представляет собой название вполне конкретной болезни. Что касается шизоидов, это нормальные люди, просто имеющие свои особенности. Использование определения «замкнутые» вполне оправданно по той причине, что базовые качества данного типа людей – отгороженность от внешнего мира, закрытость. В этом аспекте они выступают полной противоположностью гипертимам, чья душа всегда нараспашку. К шизоидам тяжело найти подход, они очень быстро уходят в себя, прячутся в своей скорлупе.

Карие глаза с легким непониманием и недоверием впились в спокойные голубые. Двадцативосьмилетнего парня, далекого от психологии, всё происходящее вгоняло в ступор. Вот скажи ему врач о курсе акций, о голубых фишках, о торгах на бирже и о котировках валюты, они, быть может, еще и поняли бы друг друга. Или заведи он разговор об инвестициях, о выгодных вложениях. Не зря же за плечами парня экономический институт и защищенная кандидатская. Но как понять то, что говорит ему человек в белом халате о его сестре?

– Доктор, могу ли я уточнить: моя сестра нормальная, только притворяется? Значит, она может говорить, просто не хочет? И то, что мать мне два часа рассказывала об ответственности, которая на меня ложится после ее отъезда, было преувеличением? Что мне придется всё время смотреть за ней, отгораживать от влияния извне – это всё бред?

Доктор тяжело вздохнул. Сколько усилий ему приходилось прилагать, чтобы не сорваться на этого парня! Часы перевалили за восемь. Он обещал вернуться домой пораньше, а вместо этого приходилось уже второй час объяснять парню особенности состояния его младшей сестры, которая на ближайшие три месяца оставалась под вынужденной опекой своего старшего брата. С одной стороны, доктор понимал беспокойство ее матери, которая сначала хотела взять дочь с собой в незапланированную поездку за границу, но потом, по рекомендации врача, всё же решила оставить ее в знакомой обстановке, в знакомом городе, но с малознакомым братом.

– Думаю, у вашей матери есть оправдание. Шизоиды – это неприветливые и мрачные представители подрастающего поколения, очень слабо или вообще не реагирующие на критику взрослых. Они предпочитают избегать больших компаний и шумных игр. Из-за недостатка заинтересованности могут наблюдаться проблемы с успеваемостью. При этом замкнутый подросток ведет себя таким образом, будто постоянно ждет какого-то подвоха со стороны окружающих. Как правило, дети шизоидного типа отличаются сильной привязанностью к матери и тяжело переносят расставание с ней, пусть даже на непродолжительное время. Это объясняется страхом быть забытыми, брошенными. И очень важно в этот момент, чтобы рядом был близкий человек. Я понимаю, что вас с сестрой таковыми назвать очень тяжело, но выбора нет.

Вам придется стать близким для нее человеком хотя бы на пару месяцев. Основные рекомендации по общению с ней я дал. Будете придерживаться заданной линии поведения, и всё будет хорошо. И лето пройдет для всех безболезненно.

– Но моей сестре уже пятнадцать, и она как-никак закончила девять классов. Ребенком ее назвать весьма сложно! И вообще, вы определитесь: она нормальная или нет? Вы говорите то одно, то другое. Для здоровых людей не придумывают линии поведения, с ними общаются нормально, не задумываясь особенно о тоне и о позе.

Казалось, парень напротив терял терпение. Каждая минута в этой «больничной палате» давила на него. Терпением его природа не наградила. Еще в детском саду он начал «распускать руки». Особого повода при этом ему не требовалось: другой мальчик забрал любимую игрушку, кинул в него кусочком хлеба во время обеда, лег на его постель во время сон-часа. Вечным атрибутом еще на много лет для него стали синяки, ссадины, царапины, порванная одежда. Но родители на это реагировали весьма спокойно, говоря, что мужчина – это выживший в детстве мальчик, без синяков никак. Только совсем не поощряли «задириство», ставя за это в угол.

– Смотря что вы понимаете под нормальностью. Я бы и вас назвал больным и предложил пройти у меня курс лечения. Думаю, это вам не помешает. Нервозность и стресс налицо.

Не говоря ни слова, парень поднялся и направился к двери. Возникло ощущение, что он занял большую часть пространства комнаты. В отличие от доктора, чей рост не превышал ста семидесяти сантиметров, обладавшего худощавым телосложением, рост парня, на первый взгляд, был больше ста девяноста сантиметров, и он обладал весьма широкими плечами и развитым телосложением. Да и при взгляде на него становилось понятно, что он близко знаком со спортом. Уже перед самой дверью парень слегка развернулся в сторону доктора и, постаравшись придать своему голосу спокойствие, сказал:

– Думаю, на сегодня хватит. Моей сестре предстоит встреча с вами в пятницу после обеда. Я ее привезу, и мы продолжим разговор. Если только у меня появятся вопросы. Лишний раз возвращаться к нашей «проблеме» не хотелось бы. Мне всё ясно. И спасибо за предложение, я над ним подумаю.

Доктор, который давно мечтал проводить задержавшегося гостя, не мог скрыть торжествующей улыбки. Дома ждали жена и внуки. Причин для задержки больше не было, можно заехать в магазин, купить любимый десерт и в тесном кругу отметить приезд внуков на каникулы. Он обещал провести этот вечер с семьей, пора исполнять свое обещание, тем более что в телефоне давно мелькали сообщения от жены, а отвечать в присутствии парня было бы весьма неприлично.

– Всего хорошего. Буду ожидать вас в пятницу. И, надеюсь, разговор нам не потребуется. Следуйте рекомендациям, и тогда всё будет хорошо.

Парень еще раз окинул взором комнату и, резко развернувшись на месте, выскочил за дверь. Повода задерживаться у него больше не было.

Июнь не принес с собой долгожданного тепла, и приходилось ежиться от пронизывающего ветра по пути к машине. Прогноз был обнадеживающим, но только не для этого вечера. Кареглазый парень, который спешил к новенькому BMW, казалось, совсем не замечал этого факта. Рубашка совсем не защищала от холода, но мысли не давали замерзнуть. Кровь бурлила. Как круто может измениться жизнь от одного звонка! От одного обещания и принципа «держат слово». Надо было всё лучше взвесить, всё обдумать. Но в тот момент решение казалось ему верным – долг перед семьей, перед самим собой. Отец всегда говорил ему, что семья – это главное в жизни любого человека, его оплот. И сказать «нет» он просто не смог. Он многим обязан семье, она многое ему дала. И еще неизвестно, что ждет впереди. Но его нутро сопротивлялось принятому решению, и прошедший разговор только подлил масла в огонь.

– Стоило ли это того, чтобы оставить всё и приехать сюда? Обещание! Стоило последить за своим языком и не идти на уступки.

В определенный момент мысли стали вырываться из уст непроизвольно. Может, им уже было тесно в голове и, как гневу, требовался выход?

– Надо было думать головой. Могла же тетя провести лето в компании племянницы. Уверен, она с этой задачей справилась бы лучше! Какой вообще от меня может быть толк?

Парень стоял возле машины, упершись руками в водительскую дверь.

– Молодой человек, вы в порядке?

Немолодая женщина с некоторым беспокойством смотрела на парня в легкой рубашке с потерянным взглядом. Он был похож на одинокого щенка, ожидающего бурю. Пройти мимо казалось жутким преступлением, ведь неизвестно, что у него могло случиться. Всё-таки они находились на стоянке возле больницы.

– Да, просто задумался. Всё хорошо, тяжелый день.

Затуманенные карие глаза смотрели на женщину в дождевике, словно не видя. Она стояла за его спиной, искала ключи от своей машины. В голове всё еще был рой мыслей, и такое грубое вмешательство не смогло остановить их. Растерянный взгляд блуждал от женщины к машине. Но погода постепенно возвращала парня на землю, на эту стоянку возле медицинского центра. Тело реагировало на холод, включая инстинкт самосохранения: пора в тепло, здоровье важнее. Еще раз окинув взглядом женщину, которая в конце концов справилась со своими поисками, парень быстро открыл дверь машины и устроился поудобнее в сухом, теплом салоне.

«А я ведь даже не заметил никого вокруг, пока шел до своей машины. Три этажа вниз, пешеходный переход, три ряда припаркованных машин на платной стоянке. Да, и действительно, с кем я разговаривал? Мне точно самому нужно походить к врачу, подлечить расшатанные нервы. Может, хоть какую-то выгоду извлеку из сложившейся ситуации? Встречу старых знакомых, съезжу в соседнюю деревню на пруд с какой-нибудь цыпочкой, как в старые добрые времена. Да, всё не так плохо. Нужно искать плюсы в любой ситуации. Кажется, об этом трубят все психологи и психотерапевты? Думай позитивно, притягивай к себе положительные эмоции».

Женщина еще раз с подозрением посмотрела на паренька, сидевшего за рулем, но решила не вымешиваться. Всё-таки тут не супермаркет, а клиника. Никто не знает, что было в ее стенах. Может, парень потерял близкого человека или узнал плохие новости. Женщина по себе знала, что иногда нужно просто побыть одной, смириться или успокоиться. И в такие моменты чужое вмешательство может быть лишним. Погрузившись еще глубже в свои мысли, она завела машину и покинула парковку, оставив черную машину в зеркале заднего вида.

Дорога до дома не заняла много времени: уже спустя сорок минут парень из черного BMW стоял на пороге небольшого коттеджа в пригороде. Осталось сделать последнее движение – открыть дверь, но стоило прикоснуться к холодному металлу, как возникло чувство безысходности и конца. Разве такие эмоции возникают у человека, который долго не был в родном доме? Возможно. Но это чувство словно просочилось глубоко под кожу и не хотело отпустить. То, что люди называют шестым чувством, кричало внутри: «Беги». А может, это сказывались стресс и желание провести лето за границей, за любимым делом, пройти курсы повышения квалификации, завести полезные знакомства. В любом случае приходилось прилагать усилия, чтобы сделать следующий шаг.

Для молодого человека это было знакомое чувство. Ему неоднократно приходилось делать тяжелый шаг, принимать решение, которое накладывало отпечаток как на него, так и на окружающих. Иногда ему было тяжело даже взять трубку и набрать номер. Но какое облегчение он испытывал после! Это подтолкнуло его сделать следующий шаг. Дальше будет легче.

– Дорогой, почему не заходишь?

За спиной раздался мелодичный, высоковатый женский голос. Парень обернулся и увидел свою мать. Казалось, годы для этой женщины остановились на отметке «тридцать пять». Неглубокие морщины придавали карим глазам особый блеск, полноватые губы, сложенные в милую улыбку, были слегка тронуты помадой, а шерстяное бежевое платье придавало образу теплоты и утонченности. Все ее движения были пронизаны грацией и легкостью. Она приковывала взгляды как мужчин, так и женщин.

Мало кому было известно, сколько усилий женщина прилагала, чтобы выглядеть именно так. Очень часто по этому поводу она отшучивалась, говоря, что то, что внутри нее, требует выхода наружу. И поэтому выглядеть по-другому она просто не может, сопротивляться этому еще сложнее, чем следовать внутреннему позыву. Полезная еда, тренировки, салоны красоты, ежедневный уход и любящий муж. У этой женщины был свой рецепт красоты, которому она следовала достаточно давно. Это стало частью ее жизни, привычкой. Да и статус обязывал. Ее муж был не последним человеком в городе. А это означало выходы в свет. А что больше украшает мужчину, чем его женщина? Ведь именно она характеризует мужчину, его успехи, достижения.

– Задумался, мам. Давно тут не был, нахлынули воспоминания. Ты куда-то ходила?

Карие глаза столкнулись с такими же глазами напротив. Постоянная борьба. С самого детства. Одни глаза смотрели со снисходительностью и легким упреком, заставляя почувствовать вину. А другие – с вызовом и нежеланием подчиняться. С малых лет звучало: «В садик не пойду!», «Продленка для слабых!», «Бокс круче, чем бальные танцы!» И всё равно ходил в садик, оставался на продленке и занимался бальными танцами. Правда, в тринадцать лет право заниматься боксом он отстоял. Именно с того момента синяков на теле стало меньше. Но не потому, что теперь с легкостью можно было нанести удар. Его можно было избежать. Распускать руки было категорически запрещено тренером. Если бой, то честный и на ринге. Его тренер был мужчиной в возрасте с жесткими принципами. Мальчишкам он с ранних лет старался привить свои жизненные установки, и если они их нарушали, это сулило уход из секции без возможности вернуться. Он растил из мальчишек настоящих мужчин, и родители это быстро поняли и решили не стоять на пути своего сына, оставив последнее слово за ним.

– Я ходила к подруге отдавать кота. Она присмотрит за ним во время моего отпуска. Так что не переживай, одной проблемой для тебя меньше. И не смотри на меня таким взглядом. Это даже в детстве не срабатывало. А сейчас ты уже большой мальчик.

– Мам, просто в последнее время было слишком много изменений. Болезнь отца выбила из колеи и смещала мне все планы. Так что не злись. Мне нужно немного времени, чтобы освоиться и войти в новую колею.

Женщина тяжело вздохнула, слегка прикрыв глаза и погрузившись в не самые приятные воспоминания. Полгода назад семье был нанесен удар. Всегда веселый, полный сил и амбиций, ее муж стал на глазах увядать. Врачи поставили неутешительный диагноз: рак. Это было как удар в солнечное сплетение для всех членов семьи. Болезнь, казалось, подкосила каждого, и только мать держалась молодцом. Она не унывала и искала способы помочь своему мужу. Три недели назад по совету врачей он отправился в Израиль. Там его ждали операция и долгая реабилитация. Но прогноз был вполне утешительным. И вот его отец за границей, и она собирается к нему, чтобы поддержать.

Бизнес отца, сеть кафе и ресторанов, процветал, кризис давно миновал, и он смог со спокойной душой оставить дело на своего компаньона и по совместительству старшего брата. Тридцать лет назад они общими усилиями открыли свое первое студенческое кафе, бок о бок пережили не один кризис и смогли открыть еще пару ресторанов и кафе в своем городе, а после и по всей области, обеспечив безбедную жизнь своим семьям. Кроме этого, они активно занимались инвестированием, что в какой-то степени повлияло на выбор их сыновей.

– Ты сам говорил, что подустал от жизни в большом городе и хочешь немного передохнуть. Разве это не хорошая возможность провести лето в спокойствии, да еще и дома? Тем более что в последний раз ты приезжал домой позапрошлой зимой и только на неделю. Из-за твоих постоянных командировок по городам и странам ты отдалился от семьи. Мы в последнее время видели тебя только по скайпу. Так и забыть можно, какой твой сын уже большой и как он выглядит.

– Мам, ну не начинай только всё сначала. Я это слышал уже не раз. Не считаешь же ты меня таким глупым? Я не раз приглашал вас всех к себе в Болгарию. Вы всегда отказывались.

Парень тяжело вздохнул и развел руками. Терпения и выдержки с годами у него не прибавилось. И желание отстоять свое мнение перед такими же карими глазами осталось столь же сильным. Но они всегда улыбались в ответ одинаково, всегда поселяли в душе чувство вины.

– Ну что ж, хорошо. Пойдем в дом. Ты, наверное, уже совсем забыл, как выглядит твоя сестра. Она изменилась. Пойдем выпьем чаю, я испекла вкусные пироги, как ты раньше любил. Надеюсь, твои вкусы не поменялись. Курник и слоеный яблочный пирог с корицей. Я их оставила в духовке, так что они еще тепленькие.

Женщина решила сразу прекратить бесполезный спор. На это у нее не было ни сил, ни желания. Не хотелось покидать родной дом с тяжелым сердцем.

Что-то всегда остается прежним. Именно об этом думал парень, глядя на старый диван, который родители купили ему в выпускном классе. Коричневый, с жесткой спинкой и бесчисленным количеством подушек. Пойди он тогда с матерью и отцом в магазин, никогда бы его не выбрал. Но так приятно было опуститься на этот диван, провести по шершавой поверхности, поправить флисовый плед салатového цвета. Любимого цвета матери.

Было чувство, что в эту комнату, обставленную в темно- и светло-бежевых тонах, он как-то не вписывается. Может, всё дело в этих цветных подушках или торшерах в виде старинных подсвечников, которые противоречили его минималистическому вкусу? Но со временем только эта комната не претерпела никаких изменений. Ведь парень в ней надолго не задержался. После выпуска он покинул этот дом и возвращался сюда лишь на пару недель зимой и летом.

Для матери, так редко видевшей своего сына, это была комната воспоминаний. Она приходила сюда, брала очередной роман и читала. Временами книга откладывалась в сторону, и женщина просто смотрела перед собой, укутавшись в теплый салатový плед. Она скучала по тем дням, когда ее дети были маленькими и играли в этой комнате. Сейчас сын далеко от дома, а дочь не смеет сюда заходить. В этой тишине матери было очень комфортно, спокойно. Комната подпитывала ее положительными эмоциями, когда не было сил, дарила их ей, напоминая о том, что ей есть ради кого жить, улыбаться. За фасадом постоянно улыбающейся, веселой женщины скрывалась грусть, о которой знало так мало людей.

Временами уединение нарушал ее муж. Он подсаживался к жене, целовал ее в лоб и просто сидел рядом. Он был горд за своего сына, ведь тот добился немалых успехов и рано обрел независимость. Но и ему не хватало тех дней, когда сын был дома, они вместе решали его проблемы, а на этом диване он давал ему советы о будущей профессии. Те времена казались такими далекими, но эта комната освежала воспоминания. И в такие моменты казалось, что сын сейчас войдет в дверь и скажет, что поступил. Они будут радоваться вместе. Дочка будет крутиться возле них. Он скучал по этой суматохе. Сейчас в доме было больше тишины. К ней он уже привык, но комната напоминала, что всё может быть по-другому.

И для парня в этой комнате была своя атмосфера. Она словно говорила: от прошлого не уйти, всё возвращается на круги своя. Как бы ты ни бежал от себя, это бег по кругу, и ты всё равно вернешься к тому, с чего начинал. Это и отрезвляло, и вселяло надежду в тяжелые времена. Всегда ведь плохо быть не может? Выход есть даже из безвыходной ситуации. Просто он может оказаться неприятным, вот и всё. Но он всё равно есть.

Легкий стук в дверь. Парень вздрогнул, словно его застали за чем-то постыдным. А ведь предаваться воспоминаниям и возвращаться в прошлое – не преступление.

– Дорогой, спускайся! Будем кушать, ты, наверное, голоден. Всё уже на столе, стынет.

– Да, мам, понял, иду.

Тяжело вздохнув, парень окинул комнату грустным взглядом. Три месяца обещали быть тяжелыми.

Мать пыталась разбавить угнетающее молчание, которое повисло в небольшой столовой. Брат и сестра сидели друг напротив друга и, казалось, не хотели обращать внимания ни на что вокруг себя. Когда их глаза встречались, они сразу их отводили. Так было и в прошлую их встречу, и три года назад. Брат и сестра стали чужими друг для друга, и это всегда угнетало их мать. Сколько усилий она ни прилагала, то, что началось шесть лет назад, не хотело заканчиваться. В чём была причина? Со временем этот вопрос стал риторическим. Была ли причина в диагнозе ее дочери? В новых интересах сына? Женщина всеми силами пыталась сохранить те хрупкие отношения. Но чем больше усилий она прилагала, тем больше отдалялись друг от друга ее дети. Почему ее взрослый сын отвернулся от девочки? Каждый раз, передавая подарок сестры брату или наоборот, она думала о том, почему же они не могут сделать это лично. И со временем это стало каким-то незначительным ритуалом – для галочки. Что было еще больнее. Последняя надежда в восстановлении семейных уз была на это лето. Она помогла женщине решиться на то, чтобы оставить своих детей в доме одних и покинуть страну.

Да, она безумно переживала за свою малышку. И ведь так и неизвестно, что побудило ее дочь закрыться в себе, отдалиться от семьи и погрузиться в свой мир. Женщина не раз ругала себя, что упустила этот момент. Чувство вины с годами только усиливалось и порой вгоняло в уныние. Но она была сильной и быстро брала себя в руки. Если не она, то кто сможет удержать семью на плаву? Кто будет дарить улыбки, вселять надежду и говорить, что всё будет хорошо?

– Тебе за последнее время посчастливилось побывать в разных местах. Не хочешь поделиться с нами впечатлениями?

Парень тяжело вздохнул. Каждая минута за столом казалась ему вечностью, в этом доме он чувствовал себя чужаком. А ведь это и его дом. Хотя сейчас ему хотелось сказать «был». Для него домом стало тихое место в Болгарии. Там он набирался сил, восстанавливался после тяжелой работы. Он приобрел его три года назад и ни разу об этом не пожалел.

Он понимал, что мать хочет разрядить обстановку, завести разговор. Но он был не готов, не готов посмотреть в глаза сестры, не готов поделиться своей жизнью. Он так много времени провел вдали от них, что теперь чувствовал неловкость.

– Мам, извини, но я очень устал. Тяжелая дорога, разговор с врачом – всё дало о себе знать. Я возьму кусочек пирога и поднимусь к себе. Завтра постараюсь не проспать и проводить тебя. Всем доброй ночи.

Мать тяжело вздохнула. С каждой минутой она всё больше сомневалась в правильности принятого решения. Ей так хотелось взять дочку с собой! Но врач был против. Он считал, что девочке лучше остаться в знакомой обстановке с родным человеком. Доктору она так и не смогла признаться в том, что ее дети не общаются. Чувство вины заставляло молчать. И решение оставить дочь с братом далось тяжело. Но сейчас важнее поставить мужа на ноги, поддержать его. А ее дети уже не маленькие, должны ужиться и стать друзьями – или попытаться ими стать. Ведь когда-то давно, когда малышка ходила в садик, старший брат так ее оберегал! Он ее так любил! Шло время, и всё менялось. Сейчас эти воспоминания казались какими-то чужими и далекими. Но сердце женщины всё еще было полно надежды и веры. Именно эти чувства поддерживали ее и заставляли улыбаться, жить дальше.

– Хорошо, дорогой. Я уезжаю завтра в семь утра. Надеюсь, ты помнишь.

Парень еще раз окинул кухню беглым взглядом и, не забыв прихватить тарелку, отправился к себе в комнату. Отдых был ему необходим не меньше воздуха. Отдых всем необходим.

После ухода парня обстановка за столом не изменилась. Между матерью и дочерью повисло напряжение. Каждая хотела начать разговор, но одна не знала, что сказать, а другая уже отвыкла это делать.

– Малышка, не грусти. Просто твой брат еще не привык к новой обстановке и к тебе. Всё нормализуется, вот увидишь. А я к новому учебному году вернусь. Пойдешь в школу или побудешь на домашнем обучении, как захочешь. Только не грусти. Всё наладится. Сейчас главное – поставить на ноги твоего отца. Мы будем каждый день писать друг другу и звонить, хорошо?

Ответа не последовало. Но и легкого кивка было достаточно.

Рано утром кареглазая женщина стояла у плиты и медленно помешивала кофе. Очень не хотелось покидать дом. Хотелось подняться наверх и разбудить мужа, который снова отключил будильник и спит дальше. Да, ее муж никак не мог заснуть раньше полуночи и любил поспать с утра. Когда у него были срочные дела, он клал телефон на пол по пути в ванную. Тогда ему приходилось вставать, отключать будильник и идти в душ. Такой прием посоветовал ему брат, который, когда почистит зубы, по привычке шел варить кофе и делать тосты, а не возвращался в кровать. Сейчас ей не хватало этих, порой абсурдных, привычек мужа.

Воспоминания грели и заставляли взять себя в руки и поверить в лучшее. Не за горами поездка в чужую страну. Сердце обливалось кровью за семью: за больного мужа, за черствого сына, за свою любимую малышку. Машина, которая увезет ее от детей, приедет через тридцать минут. Чемоданы стояли у входа. Так и хотелось сказать: «Готова».

– Доброе утро, мам! Сделай и мне чашечку кофе.

Молодой человек подошел к женщине и поцеловал ее привычным с детства образом: в щеку. Слегка сонный, растрепанный и такой родной материнскому сердцу.

– Тебе с корицей?

– Было бы неплохо. Хотел сказать, что твой слоеный пирог с яблоками просто восхитителен. Как давно я его не ел! Ты у нас просто кулинарная волшебница!

Женщина тепло улыбнулась. Как ей этого не хватало: легкого поцелуя, мальчика в спортивных штанах и слегка растянутой футболке...

– Есть для кого стараться, сынок.

Пока женщина разливала кофе по чашечкам, молодой человек сидел за столом и грустно смотрел в окно. Непогода, тяжелые тучи – всё давило на него. Утро не принесло долгожданного спокойствия и умиротворения, лишь прибавило чувства безысходности. Женщина словно чувствовала состояние сына. Может, это особенность всех матерей – чувствовать настроение своих детей? Только вот конфеткой, как в детстве, сейчас не отделаешься.

– Всё будет хорошо. Мы и не с таким справлялись.

Молодой человек молчал. Да и слова совсем не были нужны. Каждый думал о своем, но чувства были одинаковые, и это читалось во взглядах карих глаз.

– Держи. Как ты любишь.

Сидели молча. Тишину нарушали лишь легкие удары кружек о стол. И каждый удар, словно молоточек, бьющий по нервам, заставлял их вздрагивать.

Время пролетело незаметно, и звук телефона отвлек от мыслей. СМС. Прибыло такси.

– Пойду разбужу твою сестру, попрощаюсь.

Но стоило женщине подняться, как она увидела у входа в кухню свою малышку. В длинной и широкой ночнушке она казалась очень хрупкой и беззащитной. Взгляд был опущен в пол, но и по позе можно было сказать, что девочка расстроена и ее настроение в полной мере соответствует погоде.

– Дорогая, ты давно тут стоишь? Мы не заметили, как ты спустилась. Иди обниму тебя напоследок, такси уже подъехало. Теперь мы с тобой увидимся только в конце лета. Обещаю, что буду тебе звонить и писать. И ты про меня не забывай. Хорошо?

Девочка тихонько кивнула. В ее чистых голубых глазах не было слёз, в отличие от карих, которые начинали предательски поблескивать. Казалось, она не понимала, что сейчас происходит. И всё же, когда мать ее обнимала, обняла в ответ.

– Ну всё. Мне пора. Дорогой, помоги мне с сумками.

Легкая толкотня возле двери, и вот женщина уже садится на заднее сиденье старенькой «тойоты», машет своим уже не маленьким детям в окошко и нежно улыбается, не подозревая, что ждет ее детей.

Глава 2

Мать уехала три часа назад. Стоило машине сдвинуться с места, как моя сестра пулей унеслась вверх по лестнице к себе в комнату и больше не спускалась. Хотя, может, и спускалась, но я ее не видел. Если честно, то ночка выдалась не самая приятная, так что с утра мне жутко хотелось спать. Я совсем отвык спать на диване, и мне очень не хватало моей мягкой постельки. Ко всему прочему, я отвык от тишины. В больших городах шум – это нормальное явление. За день я уставал от шума и в тишине комнаты легко засыпал. А после целого дня тишины мне казалось, что отдыхать-то и не от чего. Да еще и постоянно просыпался. Мне снился стадион и как я по нему бегаю. И каждый раз, не замечая большого камня, я спотыкался об него и падал. В этот момент следовало резкое пробуждение, и пульс просто зашкаливал, словно за плечами было несколько стометровок. В итоге я попытался управлять своим сном: попытался заставить себя совершить прыжок и не запнуться о камень. Но чем больше усилий прилагал, тем больше откладывал неизбежное: камень двигался впереди меня, словно говоря: «Сколько ни пытайся приготовиться к прыжку, всё равно упадешь». Поэтому мой сон заканчивался падением, и я просыпался, смотрел на часы и снова принимался за бессмысленную борьбу. В итоге утром я чувствовал себя разбитым, и даже кофе не разбудил меня. А в таком состоянии я подобен коале: могу несколько часов просидеть без движения, боясь израсходовать лишнюю энергию.

Радовало то, что можно было не беспокоиться, что бы такого приготовить на обед. Холодильник был забит едой, в морозилке было полно полуфабрикатов. Мама подготовилась к своему отъезду, и отсутствие заготовок проблемой бы не стало. За время, что я прожил один, я неплохо научился готовить, даже посещал курсы кулинарии, причем ради них ездил в одно лето в Европу, на мастер-классы ведущих мировых шеф-поваров. Да, то лето запомнилось хорошо.

Когда на третьем курсе я переехал из общежития в квартиру, я полюбил ходить с друзьями по разным заведениям. В общежитии они почти всегда и все были под рукой, была постоянная веселуха, а тут выяснилось, что они в любую минуту не завалятся в пьяном бреду к тебе в комнату. Этого не хватало, и в то же время это радовало: у меня было личное пространство, которое никто так просто не нарушит.

Но двадцатилетнему парню тяжело постоянно находиться в четырех стенах. Веселая компания, спокойная или слегка зажигательная музыка, девочки, новые знакомства. Это затягивало. Для нашей компании стало ритуалом встречаться по выходным: суши-бар, караоке, кафешки и всё в таком духе. Но всё равно мне нравилось после работы или учебы посидеть одному в каком-нибудь кафе. Появились даже любимые. Девушки не особенно жалуют такие заведения, отдавая предпочтение ресторанам, так что и там я частый гость. Больше всего в дорогих ресторанах мне нравилась спокойная атмосфера, создаваемая классическими произведениями. В детстве мама всегда включала классику. Она любила повторять, что классическая музыка закладывает не только музыкальные основы, но и определенный жизненный фундамент, прививает чувство прекрасного, учит получать удовольствие от того, что скрыто от большинства. Со временем я понял, что она была права. И любовь к классической музыке сохранилась, хотя в моём плей-листе ее не так уж и много. Среди моих знакомых таких, которые в принципе могут сказать, кто такие Бах и Чайковский, мало. И порой мне становится их жаль.

Сейчас всю идет рабочая неделя, большинство из них на работе. Никому не позвонить, в Сети нет почти никого, с кем хотелось бы пообщаться. Заняться бы чем-нибудь! Но чем? Я уже час сижу в одной позе на этом диване и смотрю на экран телевизора, беспорядочно переключая каналы. Скукота. Готовить не надо, читать лень, даже новостную ленту открывать неохота. Не могла же на меня так подействовать совсем не городская атмосфера? Или недосып? Не могло же меня всё достать за сутки пребывания дома?

Вдруг на кухне раздался звон разбившегося стекла и вскрик. Неужели что-нибудь случится в первые же часы после отъезда матери? Она даже не успела до Израиля долететь, а тут уже чрезвычайная ситуация. За такое меня никто по головке не погладит.

Бегу на кухню и вижу картину: моя сестра стоит возле стола, на полу разбитый стакан и белая лужа молока, а на меня уставились испуганные голубые глаза. Не могу сказать точно, видел ли я когда-нибудь такой взгляд. Глаза смотрели на меня с испугом и упреком одновременно, словно просили прощения и помощи. Между нами было около двух метров, и я видел, как темнела радужная оболочка глаз.

Она стояла, слегка облокотившись на столешницу, и тяжело дышала, будто до этого пробежала марафон. И вот на самом финише ее ждала преграда в виде стакана с молоком, который она благополучно разбила.

Пока мы стояли в тишине и смотрели друг на друга, я успел рассмотреть ее, ведь вчера мне это так и не удалось. Моя сестра была высокой: к своим пятнадцати годам достигла отметки сто семьдесят сантиметров, а может быть, была и выше. Свой рост мы унаследовали от бабушки, он у нас был просто великаном! Помню, когда ходил в пятый класс, я всё еще не отличался высоким ростом и достигал только пупка деда. Зато уже в седьмом резко вытянулся и был не меньше, чем моя сестра сейчас. Большинство моих подруг уже бы позавидовали этому росту, а у моей сестренки еще всё впереди. Думаю, в восемнадцать лет она будет около ста восьмидесяти сантиметров. Будет светловолосой голубоглазой длинноногой сногшибательной девушкой.

Я непроизвольно сглотнул, представив свою сестру в будущем, причем представив в коротеньком платье и без него. Чёрт, что с моей фантазией происходит? Нашел о чём думать! Наверное, сказались бессонная ночь, отсутствие секса и безвыходная ситуация. Организм просто старался занять благоприятную для него позицию и не придумал ничего, кроме как подключить мою извращенную фантазию.

– Я... я... я... молока попить хотела.

А вот и голос моей сестры. Когда я в последний раз его слышал? Два? Три? Четыре года назад? Я уже не помню. Да и неважно, за годы он всё равно поменялся. Он был тихим, «блеклым» и совсем не подходил к картине, которую я нарисовал в своей голове. Меня в одно мгновение словно подожгли, а затем вылили сверху ведро ледяной воды. Такое со мной уже пару раз случалось. Бывает, подцепишь красивую девушку в клубе или баре – и вот уже размышлялся, нафантазировал себе, а она открывает рот, и ты понимаешь, что лучше бы она этого не делала, ведь такого несуразного бреда ты еще не слышал. Но всегда можно закрыть ей ротик чем-нибудь более интересным. Хоть моя сестра и не говорила несвязную ерунду, но эффект получился аналогичным.

– Лучше не трогай. Я сам. Отойди.

На мои слова она совсем никак не отреагировала, просто стояла и смотрела на то, как белая лужа растекается по полу и просачивается между пальцами. Я уже не видел ее глаз, не слышал ее голоса. Я просто опустил взгляд и, как она, смотрел на лужу молока.

Можно было бы сказать, что это была завораживающая картина, если бы не осколки. Молоко обволакивало пальцы ног, медленно растекаясь по поверхности пола. А что, если бы она наступила на осколки? Тогда белое молоко окрасилось бы в красный, мой любимый цвет. Красный на белом. И постепенно цвета смешались бы в блекло-розовый, такой девчачий цвет. Интересно, а моей сестре нравится этот цвет? До того момента мне в голову не приходило, что такой оттенок можно получить смешением крови и молока. Интересно, почему большинству девушек розовый цвет так нравится? Вряд ли у них в голове проносится картина смешения этих цветов: непорочности и страсти.

Этот факт вызвал во мне возбуждение, словно я открыл для себя новый вид экстремального спорта. Адреналин побежал по венам. Больших усилий стоило взять себя в руки

и не поставить эксперимент: как скоро молоко окрасится, если смешать его с алой кровью. Несуразный и бредовый эксперимент. Причем смешать его хотелось не со своей кровью. Хотелось, чтобы сестра сделала небольшой шаг и наступила на осколок, который лежал буквально рядом с ней.

– Иди в комнату, я уберу и разогрею нам поесть. Стоило догадаться, что ты голодная.

Не знаю, почему я раздражался, но с каждой минутой я становился всё злее. Она меня не слушала или просто делала вид. Я глубоко вздохнул: главное – не сорваться. Но только я хотел слегка повысить голос, как моя сестренка сорвалась с места и побежала к лестнице, оставляя на паркете в коридоре белые следы. Знаете, а смотреть за следами, оставленными на полу, было не менее увлекательно.

Чёрт! Тяжело вздохнув, я принялся за уборку. Нужно было убрать все осколки и вытереть пол. В четверг или пятницу придет уборщица, но оставлять пол грязным было не по мне. Я привык к чистоте. У меня есть домработница, но иногда и самому приходится брать в руки ведро и тряпку.

Пока я всё убирал, стрелки приближались к полудню. Да, признаю, возился я довольно долго. Вместо запланированных десяти минут у меня ушел почти час. Но я же не знал, где у мамы хранятся ведро, тряпка, веник. И так, веник с первого раза я не нашел. Пришлось собирать стёкла по одному, пока я не порезался, и тогда поиски веника пришлось возобновить. Вот в чём логика – хранить ведро с тряпкой в туалете, а веник с совком – в общей ванной? Я уж молчу, что моющее средство для полов оказалось на кухне, в нижнем шкафу возле мусорного ведра. Разве нельзя всё собрать вместе в кладовой? Для чего она тогда вообще в этом доме? Или мама специально так сделала, чтобы позлить меня? Домработница в курсе, где у нас что лежит? И как у нее только хватает терпения собирать всё это по всей квартире?

Пока убирал, подумать «о молоке» не получилось, сказывалось раздражение от всей этой ситуации. Еще и суток не сижу дома, а уже схожу с ума. Нужно обязательно сегодня куда-нибудь выбраться. Спасибо тому, кто придумал мобильные приложения для знакомств! Когда скучно или жутко требуется общение, всегда спасаюсь ими. Благо их разнообразие открывает много возможностей.

Ну что ж, если с уборкой всё, можно, наконец, приступить к еде. Такие мысли настраивают на хороший лад. Что же мама оставила вкусенького?

На нижней полке стояла большая кастрюля. Как оказалось, она была полна вкусных кислых щей. Мама всегда готовила полную кастрюлю, и ее быстро съедали. Но нам с сестрой ее, наверное, хватит на неделю! Так, а что мама приготовила на второе? Ого! Голубцы! И, кажется, она приготовила их в духовке! Потрясающе! Мой живот уже давно урчит. Пора разогревать и звать сестру.

Но мысли о сестре меня словно остудили. Вот что это было с самого утра? Белое молоко. Никогда не думал, что молоко относится к разряду: «Можно смотреть не отрываясь». И что за мысли про длинноногих голубоглазых красавиц? Кажется, мне уже пора зайти в Инстаграм, найти местных красавиц и пригласить их покататься до утра, встретить рассвет. Пока мне еще никто не отказывал. Да и кто откажет? От вида дорогой машины, телефона, «Ролекса» и красивого тела они уже мысленно снимают свое нижнее белье. И ведь это правда жизни: если ты успешен, у тебя будет всё, и все будут под тобой. А тебе останется только этим воспользоваться. По Фрейду, все на своих местах.

Так, всё разогрето, пора звать сестру, а то еще заморю ее голодом. Думаю, по возвращении мать меня за это по головке не погладит. Только вот пересекаться с сестрой совсем не хотелось. Поэтому, позвав ее обедать, я решил взять еду к себе в комнату и совместить обед и Интернет. И, наконец, забыть об этом чертовом молоке.

Вот бывает же такое, что зашел в Сеть и пропал! Так вот, сегодня уже пятница. Эти дни пролетели незаметно. Нашел одну симпатичную девчонку, но у нее оказался парень. Пришлось

целый день разводить на встречу. Но эта встреча того стоила! Свою сестру я в последнее время видел только во время завтрака, обеда и ужина. Сторонился я ее только в первый совместный день, а потом понял, насколько это была бесполезная затея. Конечно, я и не пытался с ней сблизиться, старался сохранять субординацию и довольствоваться парой фраз, которые она упорно игнорировала. Как только появлялась в гостиной и видела меня, мигом бежала наверх. Стоило мне пожелать ей приятного аппетита, как она отворачивалась или замирала, словно я произнес какое-то оскорбление в ее адрес. Хорошо, что в обществе друг друга мы долго не находились и это не напрягало. Но сегодня пятница. Сегодня поездка к ее психиатру, и придется провести больше двадцати минут в присутствии друг друга.

За время, что она меня избегала, мне было над чем подумать, и я понял: ничего особенного не произошло! У меня просто давненько не было девушки, поэтому я представил свою сестру в нижнем белье. С кем не бывает? Не отметить ее достоинства было бы глупо, но теперь всё в порядке. Да и вообще, если бы она не была шизоидом, то, уверен, от поклонников отбоя бы не было! Тогда мне пришлось бы играть роль «злого старшего брата». Сейчас же я играю «добрую няньку для подростка».

Может, всё и к лучшему, к лучшему, что она меня избегает. Эти дни расставили всё по своим местам. И главное, чтобы ситуация не сбивалась с намеченного курса. Побывать наедине с самим собой всегда и всем полезно. Главное – делать при этом правильные выводы.

У мамы в Израиле всё складывалось хорошо: она благополучно прилетела, устроилась в отеле и вовсю занималась отцом. Ему сделали первую операцию, состояние врачи характеризовали как стабильное. Мама держалась молодцом и не давала никому унывать. Она поддерживала и меня, и отца, и, как я понял из ее слов, всех, кто обращался к ней за помощью и поддержкой в местной больнице.

Вот чего нельзя отнять у моей мамы, так это желания помочь всем и каждому. Она могла часами напролет слушать о проблемах других людей, помогать им как морально, так и материально. Но сама никогда никому не жаловалась, как бы тяжело ей ни было. Болезнь отца ее немного ослабила, но, скорее, физически. Ее внутренняя сила под натиском несчастья не дрогнула. И это не могло не вызвать восхищения и не вселить надежду на то, что всё будет хорошо. Помню, как часто папа ругался, что мама слишком добрая, что люди ею пользуются, что она так просто выкидывает деньги, которые можно было бы использовать с большей пользой. Правда, отца надолго не хватало. Он всё равно каждый месяц выделял деньги «на материальную помощь нуждающимся». Часто говорил мне, чтобы нашел себе не такую наивную девушку, как мама, но такую же добрую и открытую. И чтобы был готов быть личным благотворительным фондом. При этом его глаза всегда светились счастьем. Только вот за всё время активных поисков я не смог встретить никого, кто бы хоть отдаленно походил на мою мать.

Знал бы ты, отец, что сейчас девушки хотят сделать из парней «благотворительный фонд» для собственных нужд, а не для помощи нуждающимся. Не знаю я такую «дуру», которая финансировала бы конкурсы в детских домах, оплачивала бы музыкантов для пенсионеров в доме престарелых, сложные и дорогостоящие операции совсем незнакомым людям. Иногда я думаю, что моя мать или сумасшедшая, или фантом. В реальности таких, как она, я больше не встречал, и это не позволяло ей вписываться в обыденные рамки. А ведь все эти жертвования действительно делали ее счастливой. И даже если ею просто пользовались, обманывая ее, разводя на деньги, она всё равно верила в лучшее в людях, продолжая свой благотворительный путь.

Как и в другие дни, завтрак у нас прошел в полном молчании. И до одиннадцати часов я свою сестру не видел. Всё утро я провел за изучением акций предприятий. Недооцененных предприятий много, стоит только получше поискать, поглубже копнуть и определиться с отраслью. Всё же сумму я планировал вложить немалую, нужно было всё хорошенько взвесить. Отец всегда говорил, что в рискованные предприятия нужно вкладывать ровно столько,

сколько можешь позволить себе потерять. Была у меня парочка провальных проектов, и этот принцип меня спас. За это еще раз спасибо отцу.

– Я готова.

Вот же! Как ей постоянно удается застать меня врасплох? Иногда возникало чувство, что она не ходит, а плавает по воздуху. Шагов слышно не было никогда. Она словно маленькая мышка. Симпатичная маленькая мышка. Смотрю на часы – не опоздала ни на минуту, как я сказал ей с утра, что буду ждать ее в одиннадцать внизу, так она и спустилась строго к этому времени.

– Молодец. Давай в машину.

Молча прошла мимо меня и даже не оглянулась. Тяжело вздохнув, я закрыл крышку ноутбука и пошел за ней. Совсем не нравилась мне эта поездка к психиатру. Вдруг она начнет жаловаться на что-нибудь? Хотя врачи дают обет молчания, и за пределы кабинета ничего не выходит. Да и вообще, я же ее не обижал, а, кроме отсутствия общения, в чём меня можно обвинить? Ох, чувствую, веселой будет поездка, и как бы она не обернулась против меня! Совсем не хотелось портить приятный пятничный вечер.

Все вечера прошедших дней были посвящены девушкам. Я боялся надолго оставлять сестру одну, поэтому встречи проходили недалеко от дома, а то и вообще на заднем дворе, где в среду я установил палатку. Не знаю, как такая идея пришла мне в голову, наверное, мой мозг способен выдавать абсолютно сумасшедшие идеи, если его ограничить в выборе действий. И ничего путевого, кроме палатки на заднем дворе, я не придумал. Но это решение совместило в себе сразу два плюса: никаких «чужих» в моей комнате и сестра под присмотром.

Я видел, как сестра косится на палатку, как обходит ее стороной. Это, конечно, наводило на не очень приятные мысли, но что же делать, всегда приходится чем-то рисковать. И не всем и не всегда могут понравиться твои решения.

Тяжело вздохнув, я сел в машину и завёл мотор. Будем надеяться на лучшее. Это всего лишь один из ее многочисленных сеансов.

Глава 3

Путь до больницы особенно много времени не занял. Всю дорогу мы молчали, лишь иногда я переключал радиостанции и старался сосредоточиться на дороге. Каждый светофор, пешеход – всё это так бесило! Не знаю, почему я нервничал, может, из-за встречи с доктором? Или на меня так действовала сестра? Стоило посмотреть в ее сторону, и руки непроизвольно стискивали руль.

Она молча сидела на переднем сиденье и упорно смотрела на свои коленки, обтянутые светлыми джинсами. Волосы были собраны в пучок, открывая длинную шею, высокие скулы и прямой носик. Фисташковая рубашка очень шла к ее образу, подчеркивая легкую бледность. Создавалось впечатление, что она расслаблена, просто о чём-то задумалась. Только вот руки, которые до побеления сжимали сумочку, говорили об обратном. Или ее напрягало мое близкое присутствие, или она нервничала перед приемом у доктора.

Но дорога вечной быть не может, и это меня успокаивало. Можно было, например, смотреть на людей: все куда-то спешат, и, как ни странно, эта их суета всегда меня умиротворяла. Очень часто люди сбегают от суматохи города, а мне порой она требовалась. Только в ней я мог отдохнуть. Движение. Оно меня вдохновляло и прибавляло сил для продолжения работы, учебы. Городская суматоха вытягивала меня из каждодневной трясины. Конечно, так бывало не всегда. И мне порой требовалось уединение, хотелось просто сбежать от всей этой суеты. Порой абсолютно бессмысленной суеты.

Люди вообще похожи на муравьев: тоже чем-то все заняты, куда-то все спешат, а кто-то просто делает вид, что занят, но все при деле. И ведь ничего, все живут. Иногда я чувствовал себя таким же муравьем, который тащит непосильную ношу, или просто форменным лентяем. Я всегда был человеком крайностей – как в учебе, так в бизнесе, и даже с девушками. Благо отец в свое время научил меня своей «стратегии жизни», правда, и ее я смог извратить под себя, добавив своих крайностей. Часто слышал: повзрослеешь – поумнееешь. Сомневаюсь, что такое утверждение верно. Скорее, повзрослеешь – помудреешь. Ума годы не всегда прибавляют.

Отец всегда остужал мой пыл и указывал на ошибки. Когда мне еще не было двадцати, это всё воспринималось в штыки. Поэтому приходилось получать тумаки из-за своей дурацки. Когда понимал, что отец был прав, я бесился еще сильнее. Помню, как во мне скапливались злость и бессилие. Когда я высказывал всё, что во мне накопилось, он просто наливал мне виски и объяснял пользу всего, через что я прошел. Те ошибки и такие вечера стали для меня настоящими уроками. Мы обычно сидели до утра, записывая плюсы и минусы моих проколов, планируя будущее. Я осознавал, какова реальная цена ошибок. И понял одну вещь: если бы была возможность повернуть время назад, я поступил бы так же. Ошибки многому меня научили и на многое открыли глаза: на личную жизнь, на бизнес, на инвестирование, на учебу. Отец. Сколько же терпения ему понадобилось, сколько нервов он потратил? Главное, что его усилия не пропали даром и с лихвой окупаются.

За такими мыслями я совсем не заметил, что вот он, последний поворот, – и мы на месте. Вот она, платная клиника, которая не так давно открылась в этом городе и уже пользовалась большой популярностью. Она объединила в себе передовые медицинские технологии и возможности глобальной сети Интернет. В этом центре те, у кого не было возможности купить билет за границу, могли получить консультацию зарубежных светил, не выходя из кабинета своего лечащего врача. Мама и сюда приложила руку, став инвестором. Даже мне пришлось добавить денег в ее «благотворительный фонд». Она смогла убедить вложиться и дядю. Правда, акционером является только она: мы приложили для открытия это центра не так много усилий – только протянули «денежную руку помощи». Открытие было грандиозным, и, насколько

мне известно, отмечалось нашей семьей как отдельный праздник. В этом празднике я поучаствовать не смог. Но благодарственное письмо и красную ленточку от мамы получил.

Стоило мне припарковаться, как сестра выпрыгнула из машины и молча направилась к зданию. Я посмотрел ей вслед и медленно вздохнул. Я даже не успел заглушить мотор, а ее и след простыл. Было уже почти двенадцать, опаздывать я не любил. Пунктуальность – это одна из моих сильных сторон. Так что стоило поспешить и свыкнуться с неизбежным.

Дорога до кабинета доктора прошла в одиночестве и полной тишине. Было чувство, что сестра до кабинета не шла, а просто бежала, так как ни возле лифта, ни в коридоре я ее не заметил. Возможно, не одному мне некомфортно, когда мы остаемся один на один. Только сомневаюсь, что у нее в голове маячат картины разлитого молока и длинноногой блондинки в нижнем белье, а то и без него. Я усмехнулся своим мыслям: думал, что они меня полностью покинули, но, как выяснилось, ошибся. Нужно было срочно занять себя чем-нибудь полезным. Не заметив, как остановился лифт, я молча вышел.

– А вот и вы!

Навстречу шел лечащий врач моей сестры и улыбался. Вот откуда у него хорошее настроение? Разве на него совсем не давят проблемы, выплескиваемые пациентами день ото дня? Или это просто такая маска? Мне порой хватает общения со студентами, чтобы почувствовать себя выжатым лимоном. Бывает такое чувство, что с каждым моим ответом на их вопросы они еще и моей энергией подпитываются. Но всё равно мне безумно нравится преподавать, скажем так, это мое хобби. У меня всегда было желание «делиться» с окружающими. Наверное, это мне передалось от мамы. Она делится с окружающими своим временем, эмоциями, деньгами, а я – своими знаниями. Только, как и мама, в ответ я редко что получаю. Зато появляется чувство удовлетворенности и спокойствия. Хотя если это бизнес-тренинг, то я получаю еще и неплохие дивиденды.

– Да. Моя сестра уже у вас в кабинете?

Я подошел поближе и увидел улыбку не только на лице, но и в глазах. Словно он и правда был рад меня видеть. Давно заметил, что люди, рожденные раньше шестидесятых, действительно способны на искренние эмоции. И они не пытаются это скрыть. Конечно, из всех правил есть исключения, но мне проще поверить, что человек из того времени более искренний, чем мои одногодки. Чаще всего эти люди свое почти отжили и просто наслаждаются старостью. Они уже не кидаются от дела к делу, занимаются тем, что нравится, радуются внукам, своим достижениям, своей второй половинке без оглядки на прошлое. У них размеренная жизнь без особых сюрпризов. Они не совершают необдуманных поступков, их многому научила жизнь, и они способны радоваться минутам. Иногда я и сам хочу перенести свой нынешний опыт в восемнадцатилетнего юношу, перед которым были открыты все двери: иди не хочу. Только не хватало в то время опыта понять, где находятся эти двери, и увидеть, что они открыты. Обычно я, как и большинство, просто бился о стену, уверенный в том, что это та самая дверь, еще раз стукнусь, и она откроется. Но это стена, и без тарана ее не проломить.

– Она уже располагается и собирается с мыслями. А вам я могу предложить отдохнуть в рекреации в конце коридора. Там телевизор, кофе с печеньем и бесплатный Интернет, который так любит современная молодежь. Можете провести время там или прогуляться. Только помните: через час я приведу вашу сестру. Надеюсь, ей вас ждать не придется. У меня после нее будет пациент, не хотелось бы, чтобы она оставалась одна.

Отвечать совсем не хотелось, поэтому я просто кивнул в знак согласия и пошел в конец коридора; мимо секретаря, которым оказалась вполне милая девушка. Но почему-то в тот момент меня это не заинтересовало. В другой ситуации, может, я бы и подкатил к ней, сделал пару комплиментов и даже взял ее номер. Но после напряженной поездки и скрытого недоверия со стороны доктора совсем не было настроения и хотелось расслабиться. Не смог я в поне-

дельник произвести на него хорошее впечатление. Надо бы почаще вспоминать о его силе. Неужели столько тренингов и денег ушло впустую?

В конце коридора оказалась вполне уютная рекреация: кожаные темно-зеленый и желтый диваны, плазма на стене, а в углу столик с конфетами, печеньем, кофемашина, чайник. На полках стояли одноразовые стаканчики с рекламой напитков, чайные и кофейные баночки. Кажется, старик сказал, что тут есть еще и бесплатный Интернет? Теперь час пройдет для меня незаметно, главное – много не думать, а там и жить можно вполне неплохо с сохраненными нервными клетками. И не придется следовать совету старика и записываться к нему на прием.

Час и правда пролетел незаметно: по телевизору шли соревнования по волейболу; кофе был горячий и, как ни странно, вкусный; новая девушка ответила в Директе; и я уже даже построил планы на вечер. Так что настроение с отметки «минус» поднялось на отметку «выше ожидаемого». Главным теперь было сохранить его. Сейчас должна была освободиться моя сестра, и можно будет поехать домой, немного размять мышцы, поработать и провести вечер в свое удовольствие. Только бы всем планам суждено было осуществиться.

– А вот и мы! Ваша сестра сегодня была умницей! Следует всем моим предписаниям. Вы можете ею гордиться! Такими темпами она скоро станет полноправным членом общества, и я совсем не буду ей нужен! Ни как психолог, ни как психотерапевт. У меня скоро новый пациент, поэтому я вас оставляю. Через две недели, также в полдень, я буду ждать в своем кабинете вашу сестру. Прошу не забывать! Ну а с пунктуальностью у вас вроде проблем нет. До встречи!

Он еще раз окинул меня взглядом и приобнял мою сестру, словно говорил: всё будет хорошо. Интересно, что она ему рассказала там, за закрытыми дверями? Она ему вообще много рассказывает? Моя сестра не отличается разговорчивостью, но, может, это относится только ко мне? Я ведь для нее незнакомый человек.

– Да, через две недели мы приедем. Не забудем, да, сестренка?

Я попытался повторить жест врача и обнял ее, слегка притянув к себе. Вышло совсем неуклюже. Сестра напряглась под моей рукой, но не отстранилась. Доктор еще раз окинул нас взглядом, чему-то улыбнулся и ушел.

Я всё еще стоял, приобнимая сестру за плечи, пока она не отодвинулась, потупив взгляд. Внутри начало закипать негодование: ей так неприятны мои прикосновения или прикосновения в принципе? Если бы «в принципе», она бы и от доктора отстранилась. Чёрт! Почему я воспринимаю это как пощечину? Ничего ведь не случилось. А такое поведение, вероятно, свойственно всем шизоидам.

– Идем, у меня еще на сегодня планы.

Смотреть на то, послушалась она меня или нет, не хотелось. Я прошел мимо и направился к лифту. Теперь была моя очередь «сбежать». Догнала. Стоит рядом, всё еще глядя то в пол, то в потолок. Ну почему лифт так медленно двигается? Проще было бы спуститься с четвертого этажа пешком. Только вот где здесь запасной выход? Боюсь, его я буду искать еще дольше.

Приехал лифт, но он не спас меня от раздражения. В этом кубике, где мы с сестрой ехали одни, чувства только обострились. Напряжение каждую секунду готово было вырваться наружу. Давно у меня не было такого состояния. Стоило поскорее возобновить тренировки и выплеснуть всё, что накопилось за прошедшие недели.

Быстрым шагом я шел к машине, краем глаза замечая, как сестра старается успеть за мной, переходя временами на легкий бег. Ничего, пусть не только мне будет «как обычно», пускай побегаёт.

Дорога до дома прошла в молчании, но, как ни странно, оно совсем не напрягало, а даже помогало справиться с мыслями. Наверное, на меня повлияли планка моего настроения и движение. Всегда любил машины. За рулем чувствовал свободу. Никогда не был заядлым гонщиком, но скорость любил. Порой не замечал, как стрелка на спидометре превышала отметку в сто сорок километров. В этом была своя прелесть: адреналин в крови будоражил, и кипела

не только кровь, но и мысли. И пока стрелка спускалась до разрешенной отметки, мысли успевали выстроиться в ряд. Они, словно по взмаху волшебной палочки, раскладывались по полочкам, все проблемы становились решаемыми и не казались пугающими.

Не дожидаясь, пока я заглушу мотор, сестра выпорхнула из машины и ушла в дом. Так же, как и по приезде в клинику. Когда я входил в дом, увидел, как она выбиралась из кухни. Наверное, проголодалась. Стоило поесть перед отъездом. Но теперь можно быть спокойным: она прихватила перекусить, и до ужина мы не увидимся. Я смотрел, как быстро она поднимается по лестнице и скрывается на верхнем этаже. Часы спокойствия. Пришло время заняться собой.

Было уже почти девять, и пора было отправляться на «свидание». Есть совсем не хотелось. Сначала аппетита не было совсем. Зато потом, после битья груши, возникло чувство, что я в состоянии съесть слона и мне при этом будет мало. Но так было у меня, а вот сестра не спускалась из своей комнаты всё это время. Поэтому нужно было ее покормить. Чтобы потом никакие лишние мысли не лезли в голову.

Конечно, перспектива остаться с ней в одном помещении дольше пятнадцати минут меня не радовала. Но ведь это было необязательно. Можно было просто разогреть еду, позвать ее и уйти по своим делам. В конце-то концов, она девочка большая и справится без меня. А мне лишний раз проверять свои нервы не хотелось. Да, дорога, битье груши, холодный душ – всё это меня успокоило, и все посторонние мысли отошли на второй план. Только вот проверять, вернутся они или нет, желания не было. Лимит общения с сестрой на сегодня исчерпан.

Поэтому я наспех перекусил бутербродом и, позвав сестру ужинать, отправился к себе. Как только услышал шаги в противоположной стороне, быстро принял душ, немного покопался в Сети и решил, что пора. На кухне всё было убрано, сестра в порядке, скорее всего, в своей комнате. Теперь с чистой совестью можно было ехать.

Всю дорогу до центральной площади города я думал о том, что неправильно поступил, оставив сестру дома одну и даже не поужинав с ней. Но, как обычно бывает, успокоил себя тем, что ничего случиться просто не может. На горизонте появилась блондинка с шикарными ногами. Пора было переключиться и потушить огонечек совести. Тем более что у него не было причин разгораться.

Всегда поражался тому, как девушки способны копировать поведение друг друга и быть такими предсказуемыми. Этот невинный взгляд из-под полуопущенных ресниц, нервное прикосновение к распущенным волосам – локонам, челке. Господи, да в твою невинность я всё равно не поверю! Не стоит так стараться. Мы оба прекрасно понимаем, чем закончится вечер, так зачем тратить столько времени на разговорную прелюдию? Поразить меня своими «мозгами» всё равно не удастся.

– Ты меня совсем не слушаешь.

Вот. Теперь надула губки. Тошнит-то меня как от этого! Сейчас будет хмуриться, нервно подпрыгивать на сиденье, хватать меня за руку или еще что-нибудь в этом духе.

– Зато я знаю, чего ты сейчас хочешь.

Не раздумывая, начинаю ее целовать. Да, я буду тебя целовать, я займусь с тобой сексом на этом самом склоне с видом заходящего солнца. Как же всё шаблонно происходит! Но именно так все они любят: романтика. Во времена Шекспира, возможно, она и была актуальна, но не сейчас. Прав был Фрейд, когда говорил, что миром правят секс и деньги. И у руля тот, у кого этого предостаточно. А чего только стоят его теории сексуальности! Спасибо, Фрейд. Удовлетворение этих потребностей приносит немало приятных мгновений.

Интересно, каковы на вкус губы сестры? Уж точно не маслянистые от этой раздражающей красной помады. Интересно, а волосы какие на ощупь? Наверное, мягкие, не такие пережженные горячими укладками и килограммами краски или литрами перекиси. Тут даже салоны красоты не помогут, только исключительные меры.

– Да, малыш, ты знаешь, чего хочет девушка. Может, к тебе?

Ну нет, у меня на сегодня другие планы. Секса в палатке уже не хочется, домой я всё равно тебя не потащу. Много чести.

– А как же романтика? Закат, обрыв, речка. Не правда ли, за окном красивая и романтическая обстановка? Может, продолжим там, снаружи? Ты же не против?

Да, детка, вижу огонек в твоём взгляде. Это именно то, что тебе сейчас нужно. Ты как кошка, как гуляющая кошка. И на самом-то деле тебе всё равно, что там за окном. Но твоё шаблонное мышление говорит о том, что парень-романтик – это круто. Уже рисуешь в голове картинку, как будешь рассказывать своим подругам, чем ты занималась прошлой ночью. Вернее, с кем и где. Будешь описывать подробности, чтобы они завидовали.

– Даже не подумала бы, что ты романтик. Но твоё предложение мне очень нравится. Ты знаешь не только чего хочет девушка, но и как ей угодить. Хороший мальчик.

Да уж, я хороший мальчик. Тянется за поцелуем. Эти раздражающие розовые ногти на шее совсем не заводят. Надо всё как-то заканчивать.

– Думаю, пришла пора познакомиться с капотом машины поближе.

Первая половина недели прошла «в темпе марша». Бокс, работа, бокс, работа, девочки. Говорят, если посадить человека в комнату и удовлетворять все его естественные потребности – в еде, воде и чистоте, он всё равно заработает истерию от бесконтрольно повторяющихся действий. Попробуй-ка посидеть в четырех стенах, имея только кровать и не видя живого существа! Работа, работа и еще раз работа. Вот один из недостатков «удаленки»: она всегда тебя находит, и разумного оправдания для того, чтобы не делать ее, нет. Отец привил чувство ответственности, поэтому я не мог игнорировать нарастающий завал.

Мне казалось, что я сам близок к состоянию истерии. Да, потребность в общении удовлетворялась, но однообразие доконало. Может, диван передвинуть в другое место? Всё смена обстановки.

Сестра хоть и не маячила перед глазами, но её присутствие чувствовалось, в какой бы комнате я ни находился. Это было очень странным. Из своей комнаты она выходила только поесть и на задний двор под вечер – порисовать. Погода в конце концов установилась, и смело можно было заявить: на дворе лето. Днем была жуткая жара, и вечера были очень теплыми. Сестра вовсю использовала выпавшую возможность и проводила много времени на улице.

Когда я первый раз увидел ее на скамейке с улыбкой на лице, во мне словно что-то дрогнуло. Я в первый раз за много лет видел ее улыбку. Такую же простую и искреннюю, как раньше. Она просто сидела, улыбалась и водила карандашом или кистью по бумаге. На белом листе появлялись линии, которые складывались в картинку. В окно мне не было видно, что она рисовала, оставалось это предполагать. Постепенно белое полотно окрашивалось в разные цвета. Иногда она рисовала только одним карандашом. Один раз – красками на холсте. В голову произвольно просочились мысли о молоке на полу. Как и белое полотно, оно могло окраситься в разные оттенки розового. Интересно, а какие цвета предпочитает она? Почему-то мне казалось, что это нежные, пастельные тона. Только вот я давно понял: творческие личности очень непредсказуемы. И оттенки там могут оказаться совершенно неожиданные.

Теперь каждый вечер, когда сестра выходила на задний двор, садилась на лавочку и принималась рисовать, в мою голову лезли мысли о молоке. И как только они заполняли сознание, я сразу старался переключиться на работу или шел в душ. Меня отвлекал и белый лист, и белый кафель, и раскраска на сайте, и цвет полотенца, который так походил на запекшуюся кровь. Но постепенно все раздражающие факторы отходили на задний план, и можно было не думать.

Как и вчера, душ привел мои мысли в порядок, я смог успокоиться и настроиться на сон. По крайней мере, я больше не думал о молоке.

Пришло время начать бегать по утрам и записаться в зал. Именно этого мне сейчас не хватало. Той боли в мышцах, когда они забиты до предела и горят, а на следующий день –

легкой боли при движении. Бокс уже перестал выполнять эту функцию. Мышцы привыкли, нужна встряска.

Да, надо подумать об этом. Я без проблем смогу заснуть, пока в голове крутятся мысли о тренировках и о том, как их наиболее эффективно выстроить. Не знаю, кому что помогает заснуть, а мне хорошо помогает отправиться в объятия Морфея планирование. Неважно, буду я планировать свои тренировки, завтрашний день, новые инвестиции, поход в магазин. Главное – выстраивать цепочку действий и рисовать в голове подробные картинки.

Уже на грани сна я почувствовал, как ко мне кто-то жмет. Может, показалось? Я повернулся на другой бок и увидел сестру. Шок? Нет. Удивление? Да.

– Ты что тут делаешь?

Молчит и смотрит на меня своими голубыми глазами. Из-за темноты они кажутся не такими светлыми, они насыщенного синего цвета. Нет, в ее взгляде нет никакой поволоки, вызова, похоти. Не то что у вечерней девицы. Взгляд никакой. Он пустой. Не понять, что за мысли крутятся в этой белокурой головке. Интересно, когда она улыбается, ее глаза остаются такими же безжизненными? Тяжело представить на ее лице улыбку, вот так, вблизи. Когда она рисует, ее глаз не видно, видно только, как преобразается ее лицо.

– Это моя комната, а не твоя. Иди к себе. У меня сегодня был не самый легкий день. Иди спи.

Без сил опускаюсь на подушку. Начинает болеть голова. Только этого мне сейчас не хватало! Нужно быть терпеливым, ведь моя сестра не как все, она шизоид. И главное – не срываться сейчас на нее, за это меня никто по головке не погладит. Вдруг у нее что-то случилось? Наверное, она сказала бы об этом. Только вот со мной она не говорит. Единственные слова были сказаны в первый день.

– Иди уже. Я спать хочу.

Не хочу смотреть ни на нее, ни на то, что она собирается делать. Отворачиваюсь и начинаю ждать ее ухода, прислушиваясь к ее движениям. Молча прижимается ко мне. Волна раздражения накатывает на меня. Она должна была встать и уйти. Но надо держать себя в руках. Может, ее что-то испугало? Откуда мне знать, что у сумасшедших в голове? Может, проще не трогать ее? Успокоится и сама уйдет? А то вдруг это только ухудшит ее состояние, ляпнет что-нибудь врачу, и тогда проблем не оберешься. Первое впечатление и так произвел не самое хорошее. Просто поступлю, как советовал доктор. А он говорил что-то про то, что действия шизоидов не поддаются логике, они живут в своем мире и им нужны близкие люди. Я же не могу знать, может, «в ее мире» что-нибудь случилось, и она пришла за защитой? Может, она и к родителям вот так просто приходит? Надо будет спросить у матери. А сейчас оставлю всё как есть.

– Хорошо, спи здесь. Но не прижимайся ко мне и не мешай спать. Я устал.

Отворачивается от меня и сворачивается клубочком. Тишина. Даже не слышу, как она дышит. А дышит ли вообще? Стараюсь прислушаться к тельцу, лежащему рядом со мной. Всё равно в ответ ни звука. И почему-то я совсем не хочу нарушать тишину. Может, и хорошо, что она пришла сюда и легла спать. Проявляет так свое доверие? Спина к спине. Раньше люди так воевали, проявляя доверие к товарищу. Будем считать, что это небольшой шаг вперед. И что же я такого особенного сделал, чем заслужил ее «доверие»?

Надо будет спросить у доктора, нормально это или нет. Чёрт, не хочу об этом думать! Хотя о ком тут можно думать, как не о сестре, что так одиноко лежит на половинке дивана? Скукожилась. Наверное, мерзнет. Прохладный воздух сочится через открытое окно – я всегда любил прохладу. Кондиционера в этой комнате не было, поэтому приходилось открывать окно. Днем, что открывай, что нет, от духоты не спасает, а вечером и ночью приходит долгожданная прохлада.

Может, прикрыть? Тогда я не смогу уснуть точно. Молча укутываю ее одеялом. В ответ тишина. Даже не пошевелилась. Уснула?

– Спишь?

Спит? Или я правда подумал, что она скажет мне хоть слово?

Тишина.

Молоко. Почему я не могу на него смотреть и не вспоминать случай на кухне? Сейчас молоко окрасится в шоколадный цвет протеина. А могло ведь стать бледно-розовым от крови. И какой был бы тогда вкус? Чувствую, становлюсь помешанным. Везде мне мерещится это молоко. Покупая его в магазине, делая кашу, добавляя его в кофе, я сразу вспоминаю мой первый день пребывания в доме родителей, первое утро. Оно теперь преследует меня постоянно.

– Ну ты, конечно, сегодня дал на тренировке! Это из-за тех новых цыпочек? Согласен, они ничё так, можно и приударить. Какая из них тебе приглянулась? И чего ты такой напряженный?

Я не смог точно вспомнить, на каких новеньких он мне показывал в зале, но там точно была светловолосая. Стоило увидеть ее длинные светлые волосы, как у меня в голове сработал очередной переключатель. Полезли мысли о другой светловолосой девушке, которая в этот момент может сидеть на солнышке и рисовать. На лице у нее легкая улыбка, взгляд прикован к листу бумаги. Картина в голове вырисовывалась очень четкая, и было ощущение, что передо мной не тренажеры, а кухня и окно. И снова кровь начала закипать, и уже было всё равно, кто рядом и что происходит вокруг. Поэтому точно сказать, что там были за девочки, было весьма сложно. Вся энергия уходила на тренировку, чем больше усилий я прикладывал, тем легче становилось, и образ сестры на заднем дворе в лучах летнего солнца постепенно мерк.

– Да, они и вправду хороши. Я бы взял себе ту светловолосую.

Не говорить же ему, что, ко всему прочему, мне надо было выпустить весь пар, всё напряжение, которое копилось во мне, пока каждую ночь, после двенадцати, приходила сестра и молча, по-хозяйски, ложилась в мою постель, укрывалась моим одеялом и спала. Первые две ночи она просто лежала рядом, но после осмелела и начала прижиматься всё теснее и теснее. Просыпался я раньше и видел, как она непроизвольно ночью закидывала на меня то руку, то ногу. Я всегда старался осторожно высвободиться, чтобы не разбудить ее, и спускался варить себе кофе с корицей. Кофе, сваренный в турке, был не таким вкусным, как у мамы, он обычно имел горьковатый вкус. Скорее всего, я его передерживал, но уследить за ходом времени было очень сложно: в голове несся нескончаемый поток мыслей. Кофемашиной пользоваться не хотелось.

Первый час после моего пробуждения проходил в тишине и в копаниях в самом себе. Я на автомате брал свой ежедневник, записывая дела, которые нужно сделать за день. Они сводились к тренировкам, работе и свободному времени вечером. И каждое утро я заполнял поля «События» и «Благодарность» за прошлый день. Непроизвольно я записывал туда приход сестры ко мне в полночь и выздоровление отца. Даже когда мозг говорил, что не такие события нужно записывать в свой деловой ежедневник, ремарка про сестру непроизвольно появлялась в конце. Вечером, перечитывая написанное, я всегда задавался вопросом: «Какого чёрта это стало событием, приравненным к росту процентов годовых?»

Радовало, что запись с благодарностью оставалась про отца. С каждым днем ему становилось лучше. Два дня назад мы разговаривали по скайпу с родителями. В первый раз за всё время отец нам показался. Он был в маске и исхудавший, но глаза были живыми и веселыми. Это радовало. Даже сестра это заметила и сказала пару слов в поддержку. Мама очень радовалась тому, что у нас всё хорошо. Я не стал ее переубеждать. Ведь я сам не мог понять: то, что происходит, – хорошо или плохо? Это просто как-то по-другому. Может, неправильно. А может, и правильно. Будь сестре лет семь-восемь, это было бы правильно. Однозначно я рассказал бы об этом родителям. Ведь тогда это означало бы, что она мне доверилась, что она

меня не боится. А если бы у меня не возникало таких странных мыслей относительно своей сестры и я не представлял бы ее обнаженной, считал бы я и тогда это правильным? И смог бы в таком случае всё рассказать? Ведь в моей голове не было бы мыслей, что меня могут застать за чем-то постыдным и «неправильным». В первое совместное утро я решил молчать. И это мне удавалось. Только вот, когда мать или отец спрашивали, как дела, мне хотелось обо всём написать, рассказать. Но что-то всегда останавливало.

С доктором я попытался поговорить на эту тему, правда, весьма расплывчато. Спросил, как моя сестра может выражать свое доверие ко мне. Ответ был неопределенным и сводился к тому, что она не будет убегать из комнаты, когда я там, начнет говорить со мной односложными фразами, а высшей степенью доверия станут картины, нарисованные ею, которые я пока не видел. Весь наш разговор я старался сконцентрировать на этом слове. Доверие. Что это слово, в принципе, значило для меня? Мог ли я сам определить границы данного понятия? Может, поэтому главной темой разговора с доктором стала проблема доверия. Но к концу нашего разговора я так и не смог дать определение этому слову. Может, со мной надо было говорить об этом дольше и вдавливать в мою голову данное понятие, как делают в школах и институтах?

Он уделил мне только минут десять – пятнадцать после консультации с моей сестрой, но главное, что не стал задавать лишних вопросов и даже чему-то своему улыбнулся. Сказал, что я на правильном пути и что мне весьма полезно больше времени проводить с сестрой и расширять «круг ее интересов». Вот только впускать ее в «свой круг интересов» было весьма и весьма опасно, особенно в круг интересов «по Фрейду».

– Я заметил, что ты только на светленьких заглядываешься. А вот фигурка у рыженькой лучше.

– У каждого свой эталон красоты.

Объяснять, почему меня вдруг привлекла тощая блондинка, совсем не хотелось. Поэтому я предпочел молча изучать девицу со спины. Длинные пепельные волосы. Не совсем такой цвет, как мне хотелось, но тоже пойдет. Выглядят вполне ухоженными, живыми, приближены к оригиналу. Мне это нравится.

– Как говорится, о вкусах не спорят.

Хоть в этом мы похожи. Только вот мой «вкус» теперь под контролем одной светловолосой девушки. Если бы не она, не сомневаюсь, что оценил бы прелести рыженькой, уверен, она в моём вкусе, но вот цвет волос! Меня он приковывает к себе намного сильнее. Раньше я не делал никаких разграничений по цвету волос. Все девушки в этом плане были одинаковы. Но в одно утро всё поменялось. А может, не в одно утро. Тяжело сейчас что-то говорить, но мои мысли стали слишком шаблонными. Они все посвящены длинноногим блондинкам. Я прямо как подросток, заикленный на общественных стереотипах.

– Планы на вечер есть?

– А у тебя есть предложения?

Каким будет предложение, я почти не сомневался. Зря, что ли, он столько времени пожирал глазами ту рыженькую, не поспевая расхваливать ее прелести? Думаю, в своих мыслях он ее давно раздел и даже больше. Да я и сам часто так делал.

– Почему бы нам не пригласить этих девочек ко мне в гости? Что скажешь? Думаю, скучать мы не будем. Раз твой дом для любых гостей под запретом, то можно и ко мне. У меня не такие хоромы, но нам же главное не это.

О да! Скучать нам не придется. Одна извращенная голова – это нечто, а когда их две и более? Тут безграничный полёт фантазии. Главное, что он отстал с просьбой устроить вечеринку у меня дома. Хотя как отстал, думаю, это только на время.

– Почему бы и нет? Сегодня суббота, можно и отдохнуть. Планов на вечер нет. Только помни: блондинка – моя, делиться не буду.

Представлять друга на блондинке, даже чужой блондинке, было не очень приятно. Лучше предупредить сразу, чтобы не возникло недопонимания.

– Ну всё, братан, договорились. Их я беру на себя, а тебя жду вечером к восьми.

– Давай, до вечера.

Смотрю, как за другом закрывается дверь раздевалки. Да, чего не сделаешь, чтобы не свихнуться.

Глава 4

Неужели я старею? На часах без пятнадцати двенадцать, и я еду домой на заднем сиденье такси. Или мне просто не хочется думать о реальной причине, которая должна через пятнадцать минут лечь на мой диван? Во всяком случае, факт остается фактом. Скоро я буду дома.

– Можно немного прибавить? За скорость доплату.

Таксист поворачивается в мою сторону и улыбается. Деньги ему явно лишними не будут. Да и кто откажется от легких денег?

– Любой каприз за ваши деньги.

Вот уж точно, за деньги доступен любой каприз. Девочки оказались весьма сговорчивы, и мы с ними неплохо развлеклись. Возможно, даже повторим. И почему же я сломя голову начал собираться, когда увидел на часах 11:22? Интересно, мое объяснение, что «дома больная сестра», прозвучало убедительно? Моя блондиночка и правда оказалась весьма хороша, и я взял ее номерок. Пару раз я с ней точно еще встречусь. У нее были такие же голубые глаза, живые голубые глаза. Только если присмотреться, можно увидеть на радужке черные точки, которых нет у моей сестры. Ее глаза «чище». Но если недоступен оригинал, можно воспользоваться и моделью. Какое же там определение модели? Модель – прообраз реального объекта? Тот, кто давал такое определение, не представлял, насколько точным оно будет. Интересно, он знал, что его понятие в таком контексте будет применяться к живому существу, к девушке?

– Мы на месте. С вас триста и плюс за срочность двести.

Молча сую купюру и выхожу. На часах 23:56. Успеваю. У меня есть еще четыре минуты.

Уже двадцать минут первого. Лежу и смотрю в потолок. Сестры всё еще нет. Странно. Обычно в это время она уже сворачивается калачиком и засыпает под боком. Может, у себя уснула? Да нет. Не может такого быть. Она всегда приходит, всегда ровно в двенадцать. Никогда не опаздывала.

Как же раздражает это ожидание! Тем более если ждешь непонятно чего и непонятно для чего. Во время такого ожидания минуты можно смело приравнивать к часам. Только потом не стоит удивляться, что так быстро постарел. Нужно было быть более спокойным и «незамороженным».

Может, самому сходить и посмотреть, где она?

Встаю. Так. Теперь нужно придумать для себя стоящее оправдание. Зачем мне сейчас выходить из комнаты, пересекать коридор и стучаться в дверь?

Моя сестра может быть больна. Может, у нее болит живот или температура. А может, она упала, рассекла коленку – и теперь у нее идет кровь. Ведь уехал я рано, не видел, чем она занималась. Вдруг она порезалась, пока готовила ужин? Или еще что-нибудь в этом духе?

Сегодня должна была прийти домработница, если бы что-нибудь случилось днем, она бы мне сообщила. Тогда я зря беспокоюсь? Только вечер длинный, случиться могло всякое.

Чёрт! Проще уже сходить. Искать повод, если просто хочешь сходить? Может, проще признаться, что хочешь этого и всё? Перед кем я тут собираюсь оправдываться? Кроме меня и сестры, в доме никого нет.

Быстрым и широким шагом пересекаю коридор и без стука заваливаюсь в комнату.

Ничего из того, что я себе придумал, не случилось: ни крови, ни скрученности на кровати от боли. Моя сестра сидела на широком подоконнике, обложенная подушками и укрытая пледом, и читала. Да, вот так просто сидела и читала. Бледный свет от бра делал ее волосы золотистыми, а кожу – смуглой. Она внимательно смотрела на страницы книги и не сразу заметила меня, дав мне время насладиться ее видом. Да. Признаюсь. Я наслаждался ее видом. И когда она на меня посмотрела, я вздрогнул. В первый раз за всё время ее глаза были живыми, они выражали эмоции. Только вот понять какие, с такого расстояния казалось нереальным.

А может, это просто мое воображение? Или это свет от бра? С чего вдруг на ее лице появился проблеск эмоций? Эмоции направлены на меня или это впечатление от книги?

– Ты почему не спишь? На часы смотрела?

Молчит.

– Кажется, пора ложиться спать. Ты так не считаешь?

Молчит. Пристально смотрит и молчит. Причем с каждой минутой взгляд становится всё более и более «мертвым».

– Может, ты уже уберешь книгу и ляжешь спать?

Молчит. Просто смотрит и молчит. А ведь, если подумать, какие у меня аргументы? Время? Ей не десять, может и позже ложиться. Хочет читать? Пусть читает. Не пьет же тут и не курит, наркотики рядом не лежат.

– Иди спать.

Я продолжаю гнуть свое. Не могу отступить. Я хочу, чтобы она меня послушала. Хочу, чтобы пошла спать. Молча встает, не спеша убирает книгу на полку, выключает бра и ложится в кровать. В свою кровать. Не могу понять, что заставило меня впасть в ступор. То, что она меня послушалась, или то, что легла в свою кровать. Она не прошла мимо меня и не пошла в мою комнату. Она легла спать в свою кровать. Легла в чём была, не переодеваясь. Просто легла, укрылась одеялом и отвернулась.

Не знаю, сколько я стоял, но всё же смог взять себя в руки. И правда, почему она, в конце-то концов, должна была идти спать ко мне? Да, может, потому, что всю неделю она ложилась со мной, а сейчас, ничего не говоря, легла к себе в кровать. Хотя она и не говорила, почему ложилась ко мне. Так что я не вправе что-то от нее требовать. Может, у нее была чередка кошмаров, а вчера она закончилась?

Разворачиваюсь и иду к себе, не забыв на прощание хлопнуть дверью. Да что же это? Меня переполняет злость. Чёрт! Ничего не могу с собой поделать. Приятная нега после качественного секса испарилась. О том, чтобы лечь спать, даже речи идти не может. Мне нужно выплеснуть куда-то свою злость. И лучший способ – это груша. Отец, сколько я себя помню, любил побить грушу после тяжелого дня, и потому на теплой террасе у нас была парочка. Он выплескивал всё на нее, чтобы даже случайно не наговорить своей семье лишнего, не сорваться. И когда весь негатив уходил, у него просто не оставалось сил на такие глупости. Да, это то, что мне сейчас поможет.

Не знаю, сколько я тут пробыл, но вот я уже без сил сижу возле двери, костяшки красные, руки и ноги ноют. Стало так спокойно. Сил не осталось даже просто думать. Теперь можно в душ и спать. Груша забрала не только всю мою злость, но и, кажется, все остальные эмоции. Безучастность. Именно это я сейчас чувствую. Такое чувство, что, даже если сейчас разразится атомная война, я просто лягу спать. Мне будет всё равно.

Поднимаюсь и молча подхожу к окну посмотреть на убывающую луну. Красиво. Ночь ясная, видны звёзды. В городе такая картина – редкость, обычно звезд не видно совсем. Небо для крупного города – это сплошное черное пятно. Для жителей мегаполисов существуют другие огни, которые привлекают их намного сильнее, чем свечение далеких звезд. И никакие бомбы с неба не падают. Значит, можно спать спокойно. Войны не предвидится.

Прикрываю глаза, чтобы поглубже вдохнуть прохладный воздух через открытое окно. Чувствую, как разгоряченной кожи касаются прохладные пальцы и осторожно проводят по шраму, от поясницы и выше. Этот шрам я получил, когда в одиннадцать лет решил научиться кататься на скейте. Неудачно упал, и вот результат. Но разве шрамы не украшают мужчину? А от этих пальчиков тело покрывается мурашками, и пульс, который только пару минут назад восстановился, снова начинает зашкаливать. Теперь осталось понять, что страшнее: атомная война или эти пальчики на коже? Они пугают. Я знаю, кому они принадлежат.

И меня пугает моя реакция на них. Она не должна быть такой. Нужно развернуться и убрать ее руки. Но я стою и боюсь пошевелиться, пока пальцы двигаются вниз.

– Почему не спишь?

Пальцы замирают, не завершив свой обратный путь. Но через несколько мгновений продолжают его.

– Иди спи, уже поздно.

Пальцы исчезают. Слышу, как она идет к двери. Не могу пошевелиться из-за этого звука. В голове возникает картина, как сестра ее достигает и исчезает. Тишина. Именно она заполняет собой всё свободное пространство. Как только она начинает давить, разворачиваюсь и плетусь к себе в комнату. Слушать тишину выше моих сил, которых осталось, только чтобы дойти до своего дивана.

Когда я, разгоряченный, выбегал из комнаты сестры, мне этот лестничный пролет не показался таким большим. Сейчас же он никак не хотел заканчиваться, коридор был слишком длинным. В какой-то момент для меня всё стало «слишком». Слишком неправильным. И от этого «слишком» начинало тошнить. Даже ручка двери была слишком тугая.

Не заметить сюрприз на своем диване сложно. Как и предыдущую неделю, сестра лежит, свернувшись клубочком и укрывшись одеялом. Ложусь рядом, забыв о желании сходить в душ, и, наверное, в первый раз за всё время обнимаю ее сам. Думать о том, почему она вернулась, не хочется. Мне достаточно того, что она тут, лежит под боком, как и в прошлые ночи.

Утро принесло с собой боль во всём теле и пустой диван. Сестры не было. Интересно, когда она успела улизнуть? Обычно я просыпался первый. Часы тишины с утра остались, те часы, которые я научился ценить с недавнего времени. Пока все спят, никто не тревожит звонками, сообщениями, я старался всё время посвятить себе, своим планам. С приездом сюда ничего не поменялось. Только рядом со мной спала сестра, и первые минуты, пока еще не обремененные дневными проблемами, казались нереальными. Сейчас же рядом никто не сопел. И некоторое волшебство прошедших дней исчезло, стоило исчезнуть ей. И я упустил этот момент. Так устал вчера вечером, что спал как убитый?

Вчера я так и не дошел до душа. Надо освежиться и идти готовить завтрак. Привычная овсянка с сухофруктами, медом и орехами. Всё, что в детстве не любил, полюбил сейчас. Или пришло понимание слов «польза» и «качество питания»?

Тренировки, как дневная, так и вечерняя, да еще и ночная, на мне сказались. Ломит, тянет абсолютно во всём теле. Это просто сумасшествие! Больше не стоит давать организму такие нагрузки, неизвестно, сколько он будет восстанавливаться. А теперь остается передвигаться по комнате и чувствовать каждую мышцу. Ведь всё тело изъявило желание напомнить о вчерашнем сумасшествии.

Но что было ночью? Не зря люди говорят, что решения нужно принимать на свежую и трезвую голову, а ночью люди творят самые необдуманные поступки. Дернуло же меня пойти к ней в комнату! Зачем я вообще поплелся к ней? И что меня так взбесило? Меня всё это не должно волновать. Или хоть не под таким углом. Как старший брат, я должен волноваться, где она и с кем ночует. Но умом же я понимал, что ночует она у себя, причем одна. Даже гипотетически там никого не могло оказаться. Кроме меня. И я там оказался, как по взмаху волшебной палочки. Именно этот факт безумно бесил.

С такими не очень веселыми мыслями, которые меня не отпускали и в душе, плетусь на кухню. Уже одиннадцать часов. Да, это даже не второй завтрак, пока готовишь, уже будет полноценный обед. Чувствую боль в спине, когда тянусь за хлопьями.

– И мне. Приготовь и мне.

Мне послышалось? Голос перекочевал из головы в реальность? Разворачиваюсь и вижу перед собой сестру. Светлые волосы собраны в хвост, чистое лицо без намека на макияж, голубые глаза, длинные ноги в свободных белых домашних штанах и черная футболка, которая

подчеркивает каждый изгиб ее тела. Эта футболка явно перекочевала из гардероба прошлых лет: на размер, а то и на два она была ей мала.

– Приготовить тебе? Ты голодна? Тоже хочешь кашу?

Молча кивает. И этот взгляд. Снова пустой. Она что, по-другому совсем смотреть не умеет? Я начинаю понемногу привыкать к ее взгляду, но вчера, я уверен, он был другим, более живым, в нём были эмоции. Или это всё освещение виновато?

– Да, сейчас. Садись, налью тебе сока. Я только начал, пока еще ничего не готово.

Бесшумно садится за стол. Интересно, давно она встала? Совсем за это время не ела? Обычно она спускалась на завтрак, делала тосты с шоколадной пастой, брала фрукты и уходила к себе. Иногда, правда, ела бутерброды с ветчиной и сыром, но это было редкостью. Скорее всего, она была сладкоежкой. Утренней сладкоежкой. За обедом, ужином она сладости почему-то не ела. Может, ее на сладкое тянет только по утрам? Может, это ее особенность?

– Держи.

Ставлю перед ней стакан своего любимого апельсинового сока. С детства любил только этот сок. Интересно, а она его вообще пьет? Чёрт! Может, она его совсем не любит. Надо было спросить. Да и ладно, если бы не нравился, не пила бы. А так вон сидит, понемногу пьет, пока я управляюсь с сухофруктами и орехами. Да и какой сок я смогу ей еще предложить? В холодильнике, правда, есть еще яблоки, можно сделать свежесжатый яблочный. Но уже поздно. Теперь пусть будет так, как есть. Надо всё же спросить у нее, какой сок ей нравится больше. Как ее брат, я проявлю себя с наилучшей стороны, проявлю заботу. Да, сделаю так. Может, это даже будет шагом к сближению.

Протягивает мне пустой стакан и смотрит прямо в глаза. Этот взгляд.

– Спасибо.

Пока я витал в облаках, она выпила свой стакан сока. Интересно, долго она его пила? Если судить по сухофруктам и орехам, уже прошло минут десять.

– Скоро будет готова каша. Еще немного настоится, и можно будет есть.

Что там говорил доктор про доверие? Кажется, когда она начнет мне доверять, станет общаться со мной однотипными фразами. Он еще говорил что-то про ее рисунки. Интересно, что это за рисунки? Надо будет у него в пятницу поинтересоваться, может, он их видел. А то столько раз наблюдать, как она рисует, но не видеть результата как-то обидно. Когда я вчера заходил в ее комнату, я нигде их не увидел. Или просто невнимательно смотрел. Мне было не до них.

– Не знаю, ешь ты такую кашу или нет, надеюсь, тебе понравится.

Молча кивает и пододвигает тарелку с кашей ближе к себе. Понемногу начинает есть. Интересно, нравится ей или нет? Ест с настоящим аппетитом или просто из вежливости?

Да что же со мной такое?! Забываю себе голову совсем не нужной информацией! Нравится – не нравится. Это как игра: орел или решка. Вероятность выпадения пятьдесят на пятьдесят.

Молча сидим, как в последние дни, не глядя друг на друга. Хотя я замечаю, как она урывками поднимает взгляд и сразу возвращает его в свою тарелку. Интересно, о чём она думает? О чём вообще могут думать шизоиды? Если это замкнутые люди, живущие в своем мире, то каков ее мир? Он безлик, как ее взгляд? Или он так же красив, как цвет ее глаз? Она рисует, причем много рисует, значит, у нее хорошее воображение. Сколько красок в ее мире? Вот бы узнать ее вселенную! Там, кроме нее, есть еще для кого-нибудь место?

– Сегодня неплохая погода, не хочешь съездить на пруд?

В первый раз я вижу такой удивленный взгляд, направленный в мою сторону. Он действительно полон удивления. Сейчас нас разделяет небольшое расстояние, и можно разглядеть ее чистые глаза. Но долго полюбоваться ими она не дает, опустив взгляд в тарелку. Для меня

этот вопрос стал сюрпризом. Что меня заставило его задать? Может, картина озера с розовым закатом в моей голове? Интересно, она когда-нибудь рисовала закат?

– Мы с бывшими одноклассниками хотели съездить на природу, на шашлыки. Народу будет немного. Пара человек.

Смотрит в тарелку, так сразу и не поймешь, о чём думает. Я понимаю: эти слова прозвучали прежде всего как оправдание для себя. И как утешение для нее. Но мы на днях встретились мимоходом со старой компанией и решили немного отдохнуть. У всех работа, и свободны только выходные.

Кивает. Мне не показалось? Она кивнула?

– Это было «да»?

Снова кивок. Значит, не показалось. Даже такая скорлупа, как у моего шизоида, дает трещину. Отлично. Это хорошие новости.

– Это отлично. Мы поедем в три. Так что можешь потихоньку готовиться. Не забудь купальник: вода в пруду теплая, можно будет искупаться. Мама говорила, что ты хорошо плаваешь.

Кивает.

– Вот и отлично. А сейчас ешь.

Осталось предупредить друзей, что я приеду не один, и обсудить правила поведения. Ведь моя сестра не как все. Она шизоид.

Мы приехали на пруд на двух машинах: я с сестрой и двумя одноклассницами и в другой машине еще двое парней. Народу, как и планировалось, было немного. Наша старая компания. Моей сестре должно быть комфортно. Вот только то, как она вжалась в кресло и сжимает ткань платья, не дает мне покоя. Она очень напряжена. Может, поплавет и успокоится? А то ее напряжение начинает передаваться мне.

– Ну всё, девочки, мы приехали. Вылезаем и устраиваемся на берегу поудобнее. А мы с мальчиками возьмемся за готовку.

Хотелось верить, что всё сложится наилучшим образом, что напряжению не придется накапливаться и выливаться неизвестно во что. Хуже всего затаивать это в себе.

– Ты такой милый! Мы тогда загорать, правда, девочки?

Сестра бросает на меня испуганный взгляд, но всё равно выходит из машины и плетется к кромке воды. Одноклассницы уже вовсю раздеваются, демонстрируя всё еще неплохие фигуры, и раскладывают лежаки на берегу.

Но меня больше заботит фигурка, стоящая у воды. На автомате достаю продукты, проверяю мясо, что-то отвечаю парням. Я их, конечно, предупредил по поводу сестры, надеюсь, никто никаких проблем не доставит. Всё, что от них требуется, – не навязываться и следить за языком и другими частями тела. Потому что мне придется разбираться со своими прямыми обязанностями на этом отдыхе и присматривать за сестрой. Боковым зрением всё время стараюсь не упускать ее из виду.

Всё для меня перевернулось в тот момент, когда она сняла свое бежевое платье чуть выше колен. Ее фигура в купальнике оказалась намного круче того, что я представлял себе в тот день, когда она разбила стакан с молоком. Немного угловатая фигура, но это придавало ей особый шарм. Ее раздельный купальник больше открывал, чем скрывал. Даже отсюда были видны рёбра, на спине, кажется, просвечивал каждый позвонок. Она повернулась боком и начала делать пучок. Игра мышц на ногах, руках – всё было видно до мельчайших подробностей.

– А твоя сестра очень даже хороша, была бы она постарше и не была бы твоей сестрой...

Смотрю на этих двоих, взгляд которых устремлен на мою сестру. И этот взгляд мне совсем не по душе. Уж мне-то он знаком. Внутри закипает злость: на себя, на них, на сестру.

– А ноги-то какие! Ох, не завидую я тебе! От женихов скоро отбоя не будет! Или уже отгонять приходится?

Этот вопрос мне совсем не понравился, а ведь он приходил мне в голову. Но тогда меня это не бесило. И ведь правда, будь она как все, мне бы пришлось разгонять женихов и устанавливать решетки на окна во избежание ночного побега. Странно, но впервые за долгое время факт ее ненормальности меня порадовал. Даже лишнего повода придумывать не надо, почему этим придуркам нельзя к ней приближаться. И почему можно спать спокойно.

В это время сестра уже плыла к середине пруда. Пусть лучше будет в воде, там хоть на нее никто не смотрит. Главное, чтобы оставалась на виду. Столько известно случаев, когда из-за судорог люди тонули, независимо от того, насколько хорошо плавали и какой опыт имели за плечами.

– Сколько твоей сестре? Она чем-то занимается? Я имею в виду – каким-нибудь спортом? Или у нее такие формы от природы? Весьма спортивное тело.

Совсем не заметил, как одна из одноклассниц подошла к нам. Девушкам только дай повод кого-нибудь обсудить. Особенно другую девушку. В частности, ее фигуру, марку туфель, сумочки, одежды. Только вот не хочется, чтобы обсуждали мою сестру.

– Только плавание, насколько мне известно. Но не профессионально, а так, для себя.

Да, когда-то я сам водил ее в секцию плавания. Не скажу, что в плане результатов она была первая, но всегда старалась и прикладывала много усилий.

– Тогда всё становится на свои места. Надо будет у нее поспрашивать, как часто она плавает, может, у нее есть особая система? Уж очень интересно.

Да, типичная позиция – примерить путь достижения определенной цели на себя. Если получилось у другого, то получится и у меня. Причем получится исключительно таким же путем. Своим путем идут немногие, это же тяжело. Боязнь ошибок, синяков пугает.

– Она еще не доросла до ваших посиделок. Так что даже не пытайтесь ее склонить на свою сторону. Думаю, она особенно не задумывалась о том, что делают с ее фигурой тренировки по плаванию.

– Маленькая? Ох, не думаю. И не говори, что она больна. Она такая тихая и милая, не сказала бы, что шизоид. Так ты ее назвал? Я бы сказала, просто нелюдима. Ей бы почаще общаться с людьми, бывать в компании. И тогда всё будет на высшем уровне. А сейчас она, скорее, скованная.

Непроизвольно улыбаюсь, погружаясь в воспоминания. Годы идут, а защитница всех ущемленных остается прежней. Сколько проделок мы устраивали в школе! Она же всегда сетовала на судьбу наших «жертв» и всё равно продолжала делать то же, что и мы. После любой нашей выходки каждому находила персональное оправдание, причем чаще всего они не повторялись. Всегда поражала эта ее особенность. И заканчивала она оправданием самой себя. Часто ее оправдания были весьма нелепы: то луна на убыль пошла, то ветер дул в лицо, и оттого картина складывалась неполная, то белая кошка перебежала дорогу, и надо было отвести проклятие. Интересно, с годами ее оправдания остались такими же изощренными? Стали они более реалистичными или уже просто не помещаются в сознании обычного человека?

– Ее доктор не советует ей посещать такие компании. Закроем эту тему. Может, лучше поможете нам с овощами? А то смотреть за мясом, облагораживать территорию и следить за вами не так просто!

– Ну уж нет, мальчики! Вы сами напросились на готовку. Мы согласились только на купание и загорание. Удачи вам! Позовите, как закончите. И вы активнее, активнее! А то нам скоро захочется есть. Девочки не любят ждать. С мяса жир не забудьте срезать, девочкам лишние калории совсем ни к чему.

Подмигивает и убегает к пруду. Девушки, девушки... Нет так нет. Значит, придется справляться самим. Не впервой.

Заняться овощами мне не дала следующая картина: выход сестры из пруда. Солнце играло на ее влажной коже, высокий пучок волос открывал ключицы, купальник облеплял

грудь и не скрывал затвердевших сосков. В этот момент она подняла полотенце и начала вытираться, отвернувшись от меня. Это к лучшему. Мне и самому стоило отвернуться, чтобы не видеть полуоткрытых ягодиц, до которых полотенце еще не дошло.

Я чувствовал жар, пробегающий по телу. Кажется, я один смотрел в этом направлении. Каждый был занят своим делом. Девушки загорали, парни воевали с мангалом, решая, где лучше его разместить. Это хорошо. Лишнего никому знать не стоит.

Стоит ли говорить, что остаток дня был для меня очень напряженным? На свою сестру я боялся посмотреть, а вот мои «товарищи», не стесняясь, ее разглядывали. Это меня бесило. Я знал, что у них на уме, и от этого становилось тошно. Нужно потерпеть. Скоро домой, уже темнеет. Шашлыки съедены, девочки допивают остатки пива и уже порядком пьяны. Парни рассчитывали на продолжение, а девушки были совсем не против. Меня данный факт весьма обрадовал: можно не развозить их по домам. С этим и без меня справятся. Можно сразу ехать домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.